

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 343.23:343.81

doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).1.067-074

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЗОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОСУЖДЕННЫХ (ЗАКЛЮЧЕННЫХ) ОТ ОБЩЕСТВА

Константин Антонович Сыч¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. В России одними из самых распространенных наказаний на протяжении всего периода существования были наказания, связанные с лишением свободы и изоляцией от общества. В процессе исполнения этих наказаний могут и возникают проблемы их реализации. Ключевой проблемой в рассматриваемой сфере является совершенствование мер по противостоянию действиям, дезорганизующим деятельность исправительных учреждений. Советское законодательство на протяжении нескольких десятков лет меняло концепцию уголовной ответственности за действия, связанные с дезорганизацией деятельности исправительных учреждений. В статье рассматриваются историко-правовые тенденции развития уголовной ответственности за насильственные действия в отношении осужденных (заключенных) и персонала учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, на разных исторических этапах. Работа построена на анализе научной литературы и законодательных актов, закрепляющих меры ответственности за действия, связанные с дезорганизацией деятельности исправительных учреждений. Целью работы являлась постановка проблемы уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений на научное обсуждение.

Ключевые слова: преступные группировки, дезорганизация деятельности учреждений, уголовное наказание, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная преступность

Для цитирования

Сыч К. А. Историко-правовые тенденции уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных (заключенных) от общества // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32(1–4), № 1. С. 67–74. DOI: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).1.067-074.

© Сыч К. А., 2024

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

TIME LENS

Original article

HISTORICAL AND LEGAL TRENDS OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS THAT ENSURE THE ISOLATION OF CONVICTS (PRISONERS) FROM SOCIETY

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, vladimir_1@inbox.ru

Abstract. In Russia, one of the most common punishments throughout the entire period of existence has been punishments related to imprisonment and isolation from society. In the process of executing these punishments, problems may arise in their implementation. The key problem in this area is the improvement of measures to counter actions that disrupt the activities of correctional institutions. For several decades, Soviet legislation has been changing the concept of criminal liability for actions related to the disorganization of correctional institutions. The article examines the historical and legal trends in the development of criminal liability for violent acts against convicts (prisoners) and staff of institutions providing isolation from society at different historical stages. The work is based on the analysis of scientific literature and legislative acts that establish measures of responsibility for actions related to the disorganization of correctional institutions. The aim of the work was to raise the problem of criminal liability for the disorganization of correctional institutions for scientific discussion.

Keywords: criminal groups, disorganization of institutions, criminal punishment, penal enforcement system, penitentiary crime

For citation

Sych, K. A. 2024, 'Historical and legal trends of criminal liability for the disorganization of the activities of institutions that ensure the isolation of convicts (prisoners) from society', *Man: crime and punishment*, vol. 32(1–4), iss. 1, pp. 67–74, doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).1.067-074.

Наказание, как известно, является одним из основных методов превентивного воздействия на криминально неустойчивую часть населения. Это методологически верное положение нашло свое отражение в уголовном праве на разных этапах его развития. Самыми распространенными видами наказаний, имеющих наибольший превентивный заряд, являлись наказания, связанные с изоляцией осужденного (заключенного) от общества. Это может быть обусловлено тем обстоятельством, что изоляция осужденного (заключенного) от общества сопряжена с лишением его физической возможности совершать новые преступления, по крайней мере, в период отбывания наказания. В процессе исполнения этих видов наказания, естественно, могли и возникали проблемы, связанные с управлением криминальной средой, состоящей из лиц, приверженных идеям криминальной субкультуры, а потому оказывающих негативное влияние на других

осужденных. Справедливости ради следует отметить, что рассматриваемая проблема не потеряла своей актуальности. В последние годы участились случаи неповиновения законным требованиям администрации исправительного учреждения, применения физического насилия в отношении осужденных положительной направленности и даже нападения на персонал учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Данная негативная тенденция обуславливает необходимость совершенствования превентивных мер, включая, естественно, меры уголовной ответственности за эти преступления.

Российское уголовное законодательство не всегда относило такого рода деяния к разряду дезорганизующих работу учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных (заключенных) от общества. Впервые термин «дезорганизация» законодательно был использован в УК РСФСР 1926 г. при конструировании некоторых воинских преступлений. Исправительно-трудовой кодекс 1933 г. использовал этот термин в норме, предусматривающей отмену зачета рабочих дней для «дезорганизующих заключенных». Только УК РСФСР 1960 г. (ст. 77.1) закрепил в качестве законодательного термина «действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений», которые были отнесены к главе «Государственные преступления» наряду с изменой родине, шпионажем и другими тяжкими преступлениями. В задачу настоящего исследования входит выяснение правовых возможностей противостояния деяниям, дезорганизующим работу указанных учреждений, средствами уголовного закона.

Историко-сравнительное исследование, как известно, позволяет более глубоко познать социально-правовые явления. В этом отношении не исключение и рассматриваемая проблема.

Профессор С. В. Познышев в одной из своих работ, посвященной деятельности тюремной системы, отмечал: «В России никогда не делалось попытки провести какую-либо тюремную систему во всем государстве или, по крайней мере, в более или менее значительной части империи. Никогда тюремное дело не было у нас проникнуто каким-либо пенитенциарным воззрением, которое с большей или меньшей полнотой выражалось бы на практике» [1, с. 130].

В исследуемый исторический период отчетливо наблюдается динамика роста численности заключенных, которая привела к переполнению тюрем. Тюремная система не была рассчитана на такое количество заключенных. Возникали постоянные конфликты и беспорядки. Заключенные конфликтовали как между собой, так и с представителями администрации, периодически создавая угрозу для их жизни и здоровья. Данные обстоятельства вынуждали власть искать новые подходы к организации тюремной системы. Впервые было принято решение о том, что обязательным элементом тюремного содержания должен стать труд заключенных. Определенные категории заключенных теперь стали обязаны трудиться с частичной оплатой их труда.

Профессор М. Г. Детков писал по этому поводу: «В теории пенитенциарного дела России в конце XIX – начале XX в. начинают закладываться идеи прогрессивной системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, предпринимаются попытки классификации преступников, дифференциации и индивидуализации исполнения уголовного наказания. Однако практическая их реализация не находила поддержки ни в высших управленческих сферах, ни в низовых звеньях тюремной системы» [2, с. 56]. Трудно в полной мере согласиться с отмеченной позицией М. Г. Деткова, особенно в части становления прогрессивной системы исполнения уголовного наказания в виде тюремно-

го заключения в России того периода. Известно, что механизм прогрессивной системы, чтобы быть эффективной мерой, должен быть закреплен законодательно или, по крайней мере, предусмотрен в нормативно-правовых нормах ведомственного характера.

В целом по России места заключения имели ряд негативных проблем, таких как переполненность, ветхость, тотальная антисанитария, низкий уровень медицинского обслуживания, что приводило к болезням и высокой смертности среди заключенных. Такие условия содержания влекли за собой высокую ожесточенность и озлобленность заключенных. Грубость, жестокость и отсутствие гуманности были нормой при обращении с заключенными.

Администрация мест лишения свободы в рассматриваемый период истории могла беспрепятственно применять в качестве средств воздействия на заключенных не только физическую силу, но и огнестрельное оружие. Регламентирующие документы, например Циркуляр от 20 ноября 1907 г., предписывали надзирателям использовать оружие при возникновении беспорядков среди заключенных, сопротивлении действиям администрации. Сотрудники также имели право стрелять по окнам тюрьмы, если арестанты вступали в разговоры, выбрасывали из окон предметы, нарушали целостность оконных рам.

Противоречия, присущие обществу рассматриваемого периода, а также напряженная политическая обстановка, рост динамики массовых беспорядков в тюремных учреждениях заставили власть несколько изменить уголовную политику в части исполнения наказаний в виде тюремного заключения. В первые годы советской власти были предприняты настоятельные попытки нормативного регулирования порядка воздействия на заключенных, представляющих опасность для работы мест лишения свободы (в частности, Временная инструкция, утвержденная НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового»).

Советская власть предпринимала достаточно жесткие меры по стабилизации обстановки в местах заключения с помощью закрепления в нормативных актах повышенной ответственности за посягательство на жизнь и здоровье сотрудников исправительных учреждений. Увеличение срока наказания за действия, нарушающие трудовой порядок, были предусмотрены еще в ст. 12 Руководящих начал по Уголовному праву РСФСР 1919 г., а также Положением об общих местах заключения (утверждено постановлением НКЮ РСФСР от 15 ноября 1920 г.).

В рассматриваемый исторический период была распространена практика высылки осужденных, причастных к дезорганизации деятельности исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений имела определенные полномочия на отправление отдельных категорий заключенных в лагеря отдаленных районов севера, например, «Севвостоклаг», «Норильлаг», «Сиблаг». В этих учреждениях высланные заключенные продолжали вести прежний образ жизни, совершая насильственные преступления, в том числе против персонала.

С. И. Кузьмин, характеризуя криминогенную ситуацию в лагерях, указывает на некоторые причины роста уровня пенитенциарной преступности. В частности, он отмечает, что был зафиксирован пример результата обыска в лагерных пунктах Северо-Уральского исправительно-трудового лагеря: «По итогам обыска было изъято 596 ножей, 371 колода игральных карт, 800 топоров, 102,5 литра спиртных напитков. Ножи и топоры нередко шли в ход в конфликтных ситуациях. В карты играли на деньги, продукты, одежду, обувь, постельные принадлежности и иные вещи, нередко украденные у «сотоварищей»

по лагерю» [3, с. 36]. Наличие отмеченных запрещенных предметов, несомненно, способствовало сохранению сложной оперативной обстановки в этих учреждениях.

В какой-то мере это обстоятельство оказало влияние на решение о создании института внесудебного рассмотрения дел особой категории, предусматривающего создание так называемых судов троек. Данные органы в чрезвычайном порядке рассматривали дела о преступных действиях лиц, связанных с бандитизмом, насильственными действиями в отношении заключенных. «В основном это были осужденные, относившиеся к организованным преступным группам, и их лидеры. В итоге, с августа 1937 по апрель 1938 года на основании этого приказа было расстреляно по всем лагерям НКВД 30 187 человек» [4, с. 9]. Как отмечал М. Исаев: «В борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями, включая лагерный бандитизм, на первый план выдвигалась высшая мера наказания – расстрел как в целях общего, так и специального предупреждения преступлений» [5, с. 97].

Предпринимаемые советской властью меры были чрезвычайно жесткими. Однако обостренная обстановка в исправительных учреждениях сороковых годов прошлого века говорила о том, что пенитенциарная преступность вышла из-под контроля правоохранительных органов, создалась сложнейшая оперативная ситуация. В этом контексте такой радикальный способ был в определенной степени оправдан хотя бы потому, что имел позитивный результат уже в ближайшей перспективе, связанной со стабилизацией обстановки в исправительных учреждениях. Часть «преступных авторитетов» с их «подчиненными» были уничтожены физически, а другая, осознав появившуюся угрозу, приостановила свою преступную деятельность. По сведениям архивных материалов, в период с 1938 по 1940 год обстановка среди заключенных значительно стабилизировалась.

С началом Великой Отечественной войны в деятельности исправительных учреждений произошли некоторые изменения. Отдельным категориям осужденных была предоставлена возможность «кровью искупить вину» в борьбе с врагом. В период с 12 июля по 24 ноября 1941 г. для направления на фронт в составе штрафных батальонов из исправительных учреждений было освобождено около 420 тыс. заключенных, что составляло около 25 % общей численности заключенных на тот момент [6, с. 127]. Однако отмеченные изменения были сопряжены с некоторыми негативными последствиями. Так, заключенные, оставшиеся в лагерях, относились к категории особо опасных преступников, что, в свою очередь, привело к резкому обострению оперативной обстановки в исправительно-трудовых лагерях.

Власть отреагировала на сложившуюся оперативную обстановку принятием соответствующих мер. В соответствии с Инструкцией, введенной в действие в феврале 1942 г., администрация учреждения могла применять огнестрельное оружие в случае отказа осужденных от работы, после двукратного предупреждения, а также без предупреждения при нападении на сотрудников исправительных учреждений. Применение отмеченных мер оказало позитивное воздействие на ситуацию в исправительных учреждениях: члены «воровского сообщества», включая их лидеров, были вынуждены приступить к работе, нарушая при этом одно из правил криминальной субкультуры, хотя появилась проблема, связанная с уклонением от работы посредством членовредительства. В целом предпринятые властью меры можно охарактеризовать как вынужденные, учитывая, например, военное время и то, что пенитенциарная преступность вышла из-под контроля правоохранительных органов.

В послевоенное время меры противодействия пенитенциарной (лагерной) преступности были существенно смягчены. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» упразднил применение наказания в виде смертной казни за любые преступления. Это законодательное положение распространялось и на заключенных, совершающих такие преступления, как убийство и бандитизм, и другие насильственные преступления, что снова привело к существенному осложнению оперативной ситуации в местах лишения свободы. Проблема требовала срочного решения, и в 1951 г. законодатель вернул возможность назначения смертной казни за тяжкие преступления, что позволило несколько стабилизировать обстановку.

В 1950-е гг. советская наука уголовного права выдвинула для широкого обсуждения проблему дезорганизации деятельности исправительных учреждений, где в качестве одного из направлений ее решения предлагалось установление уголовной ответственности за это деяние. Обостренная оперативная обстановка на территории большинства исправительных учреждений в конце 1950-х гг. вызвала необходимость реформирования уголовного законодательства в сфере ответственности за совершение преступлений во время отбывания наказания в виде лишения свободы.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» была введена ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений. Эта уголовно-правовая норма предусматривала меры строгой ответственности в отношении особо опасных рецидивистов, а также лиц, осужденных за тяжкие преступления, терроризирующих в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, совершающих нападения на представителей администрации, а также организующих в этих целях преступные группировки или активно участвующих в них.

Законом РСФСР от 25 июля 1962 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» эта норма была включена в систему Особенной части (ст. 77 УК РСФСР 1960 г.). Впервые в истории российского уголовного законодательства термин «дезорганизация» был использован для уголовной ответственности осужденных, противодействующих работе пенитенциарных учреждений. Санкция ч. 1 ст. 77.1 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок от 8 до 15 лет. В случае совершения преступления лицами, уже осужденными за тяжкие преступления, либо особо опасными рецидивистами, предусматривалось наказание в виде смертной казни. Появление данной уголовно-правовой нормы имело важнейшее значение в сфере предупреждения пенитенциарной преступности в тот период. Однако следует признать, что в процессе ее применения выявились некоторые проблемы, которые существенно затрудняли квалификацию преступления по основаниям ст. 77.1 УК РСФСР 1960 г.

В начале 1980-х гг. проявилась новая волна общественно опасных действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений. Анализ сложившейся обстановки вновь указал на необходимость внесения изменений в действующее уголовное законодательство. Так, в 1982 г. была создана комиссия по разработке проекта внесения изменений в действующее уголовное законодательство. В состав комиссии включили как представителей науки уголовного права, так и практических работников. В результате Уголовный кодекс РСФСР был дополнен ст. 188, которая установила ответственность за злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительно-трудового учреждения. Санкция ч. 1 ст. 188.3 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок до трех лет, а ч. 2 этой статьи – наказание в виде лишения свободы на

срок от 1 года до 5 лет лицам, совершившие особо тяжкие преступления или признанным судом особо опасными рецидивистами.

УК РСФСР 1960 г. подвергся существенной корректировке в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР». В уголовное законодательство была введена ч. 1 ст. 77.1 следующего содержания: «Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, терроризирующие в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки, или активно участвующие в таких группировках, наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет». Следовательно, любой осужденный, независимо от тяжести совершенного преступления или иной его правовой характеристики, мог быть признан субъектом данного преступления. Те же действия, совершенные особо опасным рецидивистом, а также лицом, осужденным за тяжкие преступления, квалифицировались по признакам ч. 2 ст. 77.1 УК РСФСР.

В 1990-е гг. Российская Федерация взяла курс на соответствие международным стандартам в деятельности своей пенитенциарной системы. Важным шагом в этом направлении стало принятие Закона Российской Федерации от 12 июня 1992 г. № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», который внес существенные изменения в эти нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения в рассматриваемой сфере.

В постсоветское время уголовная политика в сфере противодействия пенитенциарной преступности находилась в общем русле смягчения мер уголовной ответственности в отношении этой категории осужденных. Например, если самая строгая санкция УК РСФСР 1960 г. предусматривала лишение свободы на срок от 8 до 15 лет или высшую меру (расстрел), то УК РФ 1996 г. (в ред. 2001 г.) – от 5 до 12 лет, что соответствует санкции ч. 3 ст. 111 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Общая норма, которой, несомненно, является ст. 111 УК РФ, содержит санкцию, которая ничем не отличается от специальной нормы – ст. 321 УК РФ, призванной не только защитить здоровье сотрудника мест лишения свободы, но и обеспечить законный порядок деятельности этих учреждений. Невольно возникает вопрос: в чем смысл такой специальной нормы, если она ничем не отличается в плане санкции от общей нормы?

Таким образом, историко-сравнительное исследование проблемы уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных (заключенных) от общества, позволяет заключить, что:

а) дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – это умышленные деяния, совершенные осужденными к лишению свободы или заключенными под стражу, противодействующие законному функционированию этих учреждений или терроризирующие осужденных либо применяющие насилие, в том числе опасное для жизни и здоровья, в отношении сотрудников в связи с их служебной деятельностью;

б) организация преступных группировок с целью дезорганизации этих учреждений или участие в них должны составлять особо квалифицирующий признак данного преступления;

в) фактическое причинение вреда здоровью сотрудников исправительных учреждений или осужденным (заключенным) не может в этом контексте охватываться составом «дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», а должно квалифицироваться по совокупности преступлений (дополнительно по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за причинение вреда здоровью различной степени тяжести) в связи с тем обстоятельством, что использование терминов «терроризация осужденных», «применение насилия в отношении сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных (заключенных) от общества» в большей мере связано с проблемой дезорганизации деятельности рассматриваемых учреждений, чем просто с причинением вреда здоровью их сотрудников.

Список источников

1. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. 295 с.
2. Детков М. Г. Наказание в царской России. М., 1996. 119 с.
3. Кузьмин С. И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1994. № 11. С. 36–40.
4. Предупреждение организованной преступности : учеб. пособие / под ред. О. В. Филимонова. М., 1998. 60 с.
5. Исаев М. М. Основы пенитенциарной политики : учеб. пособие для вузов. М., 1927. 196 с.
6. Кузьмин С. И. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши). М., 1993. 224 с.

References

1. Poznyshev, S. V. 1915, *Essays on prison studies*, Moscow.
2. Detkov, M. G. 1996, *Punishment in Tsarist Russia*, Moscow.
3. Kuz'min, S. I. 1994, 'Organized criminal groups in places of detention', *Crime and punishment*, iss. 11, pp. 36–40.
4. Filimonov, O. V. (ed.) 1998, *Prevention of organized crime: textbook*, Moscow.
5. Isaev, M. M. 1927, *Fundamentals of penitentiary policy: a textbook for universities*, Moscow.
6. Kuz'min, S. I. 1993, *Campers (GULAG without retouching)*, Moscow.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 31.01.2024.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 31.01.2024.